

Сергей Чувашов

**Дедукция любви,
или Тайна
чайного сервиза**

Сергей Чувашов

**Дедукция любви, или
Тайна чайного сервиза**

«Автор»

2026

Чувашов С. Ю.

Дедукция любви, или Тайна чайного сервиза / С. Ю. Чувашов —
«Автор», 2026

Эксцентричный частный детектив Виктор Чайкин, известный своей иронией и дедуктивным методом, берётся за дело, которое кажется простой кражей антиквариата. Ценный чайный сервиз графов Разбойниковых, пропавший из родовой усадьбы, оказывается лишь верхушкой айсберга. Расследование затягивает Виктора в водоворот семейных тайн, старинных легенд и опасных интриг на чёрном рынке искусства. На пути к разгадке его ждут не только хитрые ловушки и комичные ситуации, но и неожиданное чувство к загадочной незнакомке. «Дедукция любви, или Тайна чайного сервиза» — это увлекательный микс острого детектива, тонкой сатиры и искренней романтики, где за каждой чашкой чая скрывается новая улика, а за улыбкой — возможный предатель.

© Чувашов С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Сергей Чувашов

Дедукция любви, или Тайна чайного сервиза

Часть I: Начало приключений

Глава 1: Чашка чая и приглашение к делу

Дождь стучал по крыше конторы Виктора Чайкина монотонным, наводящим тоску ритмом. Сам детектив, укутавшись в клетчатый плед, скептически разглядывал дымящуюся чашку. «Эрл Грей, – мысленно констатировал он. – Аромат бергамота призван создать иллюзию английской сдержанности. Иллюзию. Как и всё в этом мире».

Его размышления о тщетности бытия прервал резкий звонок. На пороге стоял молодой человек в пальто, с которого стекала вода, но с осанкой, не оставлявшей сомнений – он привык к другим интересам. Его лицо было бледным от волнения, а в руках он сжимал потрёпанный портфель.

– Виктор Ильич Чайкин? – голос звучал напряжённо.

– Если вы от ЖЭКа насчёт протекающей крыши, то я уже звонил, – сухо парировал Виктор, не вставая.

– Алексей Разбойников. Мне... нужна ваша помощь. У нас украли... вернее, исчезло кое-что. Семейное.

Фамилия заставила Чайкин приподнять бровь. Разбойниковы. Когда-то громкая графская фамилия, ныне – пара строк в энциклопедиях да полуразрушенная усадьба под городом. Интересно.

– Садитесь, – кивнул Виктор на стул. – Исчезновения – моя специализация. Что именно? Драгоценности? Документы? Семейный призрак, наконец, устал пугать прислугу и сбежал?

Алексей сел, игнорируя иронию.

– Чайный сервиз. Фарфоровый, работы Гарднера, XVIII век. Шестнадцать предметов. Его... не стало три дня назад. Из запертой витрины в Красной гостинной.

«Чайный сервиз, – мысленно усмехнулся Чайкин. – Вот оно, начало. Не кровавое убийство, не похищение миллиона. Скромная, изящная кража. Идеально для дождливого вторника».

– И что же в нём такого особенного, кроме возраста и имени мастера? – спросил он вслух, наливая гостю чаю. – Почему не в полицию?

Алексей взял чашку дрожащими пальцами.

– Полиция сказала, что это дело мелкое. А особенность... – он замолчал, глядя в пар от чая. – Говорят, с ним связана семейная легенда. И ключ к тому, что мой отец искал перед смертью. Я боюсь, что украли не просто фарфор. Украли последнюю нить к правде.

Вот теперь стало по-настоящему интересно. Легенда. Тайна отца. Исчезнувшая нить. Виктор отложил свою чашку, и его взгляд, секунду назад скучающий, стал острым и цепким, как у хищника, учувшего дичь.

– Расскажите всё с самого начала, Алексей, – мягко сказал детектив. – И не упускайте деталей. В деле о пропавшем чайнике даже пятно от накипи может быть уликой.

Расследование началось. С чашки дождливого чая.

Глава 2: Усадьба Разбойниковских времён

Дорога к усадьбе «Отрадное» вилась среди поредевшего осеннего леса, как старая, забытая лента. «Классика, – думал Чайкин, глядя в окно машины, которую любезно предоставил Алексей. – Уединённое место, готические очертания деревьев, намёк на запустение. Если бы здесь не пропал чайный сервиз, сюда стоило бы привезти съёмочную группу какого-нибудь дешёвого мистического сериала».

Однако, когда сквозь ветви показались чёрные силуэты башенок и островерхая крыша, его цинизм слегка поутих. Усадьба и впрямь была впечатляющей – не развалиной, а скорее величественным стариком, который, несмотря на прохудившуюся кровлю и осыпавшуюся штукатурку, хранил осанку былых времён. Из красного кирпича, с белыми резными наличниками, она возвышалась на холме, глядя на мир затуманенными стёклами окон.

– Дом построил мой прапрадед, Пётр Разбойников, в 1880-х, – тихо пояснил Алексей, паркуясь на заросшем бурьяном круге перед парадным входом. – Он был страстным коллекционером и... несколько эксцентричным человеком.

«Наследственность, – мысленно отметил Виктор. – Интересная деталь».

Внутри пахло стариной, воском и сладковатым запахом сырости. Высокие потолки, тёмное дерево панелей, потускневшие портреты предков, чьи глаза, казалось, следили за каждым шагом гостя. Алексей провёл его через анфиладу комнат в Красную гостиную. Название её оправдывалось алым штофом на стенах и таким же бархатом на мебели, выцветшим до ржавого оттенка.

В центре комнаты, у стены, стояла пустая дубовая витрина с открытой нараспашку стеклянной дверцей. Замок, как отметил Чайкин с первого взгляда, был не взломан – сложный, бронзовый, викторианской работы.

– Он был заперт? – спросил Виктор, надевая тонкие кожаные перчатки.

– Всегда. Ключ только у меня и у... у отца. Но его ключ мы нашли в его кабинете после смерти.

– И кто последний видел сервиз на месте?

– Экономка, Мария Семёновна. Три дня назад, когда протирала пыль снаружи. Вечером же, когда я зашёл полюбоваться... его уже не было.

Чайкин присел на корточки, изучая витрину. Ни царапин, ни следов отмычек. Пыль на полках была слегка нарушена в чётких прямоугольниках – там, где стояли чашки и блюдца. Аккуратно. Почти бережно. Он провёл пальцем по внутреннему краю полки и поднёс его к свету. На коже, среди частичек пыли, блеснула крошечная, почти невесомая чешуйка. Не фарфоровая. Перламутровая.

– В доме есть что-то с перламутровой инкрустацией? Пуговицы, шкатулка, ручка трости? – спросил он, не отрывая взгляда от находки.

Алексей нахмурился.

– Трость... Кажется, у отца была такая. С головой ястреба. Но мы её не нашли после... Она исчезла вместе с некоторыми бумагами из его кабинета.

«Первая ниточка, – подумал Виктор, осторожно помещая чешуйку в бумажный пакетик. – И она ведёт не к постороннему вору, а внутрь этого дома. В его прошлое».

Он поднялся и обвёл взглядом комнату. Его взгляд упал на огромный портрет над камином – суровый мужчина с бакенбардами и пронзительным взглядом, в одной руке – сигара, в другой – миниатюрная фарфоровая чашка. Пётр Разбойников, коллекционер.

– Алексей, – сказал детектив, указывая на портрет. – Ваш эксцентричный прапрадед. Он, случаем, не оставил после себя каких-нибудь... записок? Дневников? Особенно тех, где мог бы упомянуть, почему этот конкретный сервиз был так важен?

Наследник побледнел ещё больше, и Виктор понял – он попал в точку. Тайна только начинала раскрываться, и усадьба «Отрадное», казалось, с готовностью раскрывала свои страницы для того, кто умел читать между строк. И между слоями пыли.

Глава 3: Сонник дедуктивного метода

Возвращение в городскую квартиру было похоже на переход из одного измерения в другое. Где-то там, в «Отрадном», время текло густым, тяжёлым мёдом, пропитанным тайнами. Здесь же – билось ритмом капель по подоконнику и мерцанием экрана ноутбука. Виктор Чайкин разложил перед собой улики дня: фотографии витрины, план усадьбы, бумажный пакетик с перламутровой чешуйкой. Но мысли упрямо возвращались к портрету Петра Разбойникова и испуганным глазам Алексея.

«Дневник, – вертелось в голове. – Ключ от трости. Исчезнувшие бумаги отца. Слишком много совпадений для простой кражи антиквариата».

Он заварил крепкий пуэр – не для удовольствия, а как инструмент для ясности ума. Логика подсказывала: нужно искать связь между сервизом, легендой и исчезнувшими вещами покойного графа. Но логика молчала, упираясь в тупик отсутствия фактов.

Уставший, он прилёг на диван, не раздеваясь. Глаза сами собой закрылись, а сознание, перегруженное впечатлениями, начало плести причудливый узор.

Ему снилось, что он стоит в Красной гостиной, но всё в ней было иначе. Обои – свежего алого шёлка, портрет над камином – живой. Пётр Разбойников медленно спускался по раме, его бакенбарды шевелились, когда он говорил, но слов не было слышно. Вместо них – лишь звон фарфора, тонкий, как хрусталь.

Прапрадед протянул ему не чашку, а... ключ. Старинный, ажурный, с головой ястреба на набалдашнике. Но когда Виктор взял его, ключ рассыпался у него в пальцах на десятки перламутровых чешуек. Они закружились в воздухе, складываясь в узор – то ли карту усадьбы,

то ли план витрины. А потом со звоном упали на пол, превратившись в осколки разбитого чайника.

Из этих осколков поднялась тень – высокая, безликая. Она взяла со стола трость с перламутровой инкрустацией и ткнула ею в портрет. Вместо лица Петра в раме появилась дверь. Тень молча указала на неё тростью. Виктор шагнул вперёд, но дверь была заперта. Он обернулся, чтобы спросить, но тень растворилась, а в комнате, за его спиной, раздался тихий, знакомый голос: «Ищи там, где играл ребёнок. Где замок не железный, а бумажный»...

Чайкин резко сел, сердце колотилось где-то в горле. За окном уже смеркалось. Дождь стих. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов.

«Сон. Всего лишь сон, – попытался убедить себя рациональный ум. – Нагромождение образов на фоне усталости и пуэра».

Но дедуктивный метод, тот самый, которым он так гордился, восстал против простого объяснения. Сон был слишком структурированным, слишком... направленным. Ключ, рассыпающийся на чешуйки – связь между тростью и кражей. Осколки чайника – намёк на риск уничтожения сервиза. Тень с тростью – вероятно, фигура отца Алексея, чьи вещи пропали. И дверь в портрете...

Виктор встал и подошёл к столу. Он взял блокнот и быстро набросал ключевые символы: КЛЮЧ-ЯСТРЕБ → ПЕРЛАМУТР → ТРОСТЬ → ПОРТРЕТ → ДВЕРЬ. А потом – фразу, которую услышал последней: «ГДЕ ИГРАЛ РЕБЁНОК. ГДЕ ЗАМОК НЕ ЖЕЛЕЗНЫЙ, А БУМАЖНЫЙ».

Детские игры. Алексей, наверняка, играл в усадьбе. А «бумажный замок»... Это могло быть метафорой. Или очень конкретной подсказкой.

Он взглянул на время. Было уже поздно для звонков. Но завтрашний план сложился сам собой, кристально ясно, будто его продиктовало само подсознание. Нужно будет снова ехать в «Отрадное». Расспросить Алексея о его детстве. Об играх. И особенно – о кабинете его отца. Там, среди пропавших бумаг, мог остаться тот самый «бумажный замок»: дневник, запертый на ключ, или конверт с печатью.

Сон был не мистическим откровением, а работой мозга, соединяющего разрозненные факты в единую картину. Но Виктору вдруг стало ясно: иногда самый рациональный метод – это прислушаться к иррациональной подсказке. Особенно если она приходит с такой настойчивой ясностью.

Он допил остывший пуэр, теперь горький и терпкий. Завтра начиналась настоящая охота. И первой добычей должен был стать ключ к прошлому, спрятанный в детских воспоминаниях наследника.

Глава 4: Семинар по вскрытию замков

Перед второй поездкой в «Отрадное» Чайкин решил действовать на опережение. Если в деле замешана трость с перламутровым набалдашником, которая могла быть ключом или содержать его, то стоило понять, как вообще устроены такие механизмы. А для этого нужен был специалист иного, не аристократического, толка.

Его привела в нужное место цепочка полунамёков и рекомендаций из прошлых дел. Мастерская располагалась в подвале старого дома на окраине, за дверью без вывески. На звонок ответил мужчина лет пятидесяти, в очках с толстыми линзами и кожаном фартуке, испачканном машинным маслом. Он пах металлом, смазкой и старыми книгами.

– Чайкин? Ждали. Проходите, – буркнул мастер, представившийся просто «Лев Матвеич».

Внутри было царство механизмов. На полках рядами стояли замки всех эпох и конструкций: от грубых средневековых засовов до изящных викторианских цилиндрических. На столе под яркой лампой лежали разобранные «личинки», отмычки, штифты и пружинки.

– Слышал, вы интересуетесь нестандартными запирающими устройствами, – начал Виктор, доставая фотографию трости (сделанную со старинного портрета, который он сфотографировал в усадьбе) и крупный план бронзового замка витрины. – В частности, вот этими.

Лев Матвеич взял фотографии, поднёс к самым очкам и замер. Его пальцы, грубые и исцарапанные, вдруг стали двигаться с неожиданной нежностью, будто ощупывая невидимые детали.

– Замок витрины... «Чейз и сын», Лондон, 1890-е годы, – отчеканил он без колебаний. – Хорошая работа. Защита от отмычки среднего уровня. Но есть нюанс. – Он ткнул грязным ногтем в увеличенное изображение замочной скважины. – Видите этот мелкий узор вокруг? Это не просто украшение. Это механический предохранитель. Ключ должен иметь на бородке не только правильные вырезы, но и микроскопические выступы, совпадающие с этим узором. Без оригинального ключа или слепка высочайшей точности – не открыть. Его не взломали. Его открыли.

Вывод мастера совпал с догадкой Чайкина. Это была работа инсайдера или человека, имевшего доступ к ключу.

– А это что? – Лев Матвеич перевёл взгляд на трость.

– Предположительно, трость графа Разбойникова. Пропала. Возможно, в набалдашнике скрыт механизм.

– Возможно? – мастер фыркнул. – Смотрите.

Он отложил фотографию и порылся в ящике, доставая пожелтевший журнал с гравюрами. – «Модные аксессуары джентльмена, 1905 год». Викторианская и эдвардианская эпохи обожали такие штуки. Трость-шпага, трость-фляжка, трость-свисток... И трость-сейф. – Он нашёл нужную страницу и показал Чайкин. На рисунке была изображена изящная трость, в набалдашнике которой, после нажатия секретной кнопки, открывался крошечный тайник для монет или... ключа.

– Перламутр – материал хрупкий, – продолжил Лев Матвеич. – Идеален для скрытия стыков. Если на вашей трости инкрустация, то, скорее всего, это панель, которая сдвигается. Нужно искать едва заметный шов, давление в определённой точке... или магнитный механизм.

Он провёл для Чайкина экспресс-«семинар», показывая на примерах, как устроены такие хитрости. Детектив слушал, впитывая информацию. Это меняло картину. Трость могла быть

не уликой, оставленной на месте преступления, а целью кражи. В её тайнике мог храниться тот самый уникальный ключ от витрины. Или что-то ещё более ценное – например, та самая «бумага» из сна: завещание, карта, шифр.

Поблагодарив и расплатившись, Чайкин вышел на улицу, где уже моросил холодный осенний дождь. В голове у него теперь был чёткий план действий на предстоящий визит в усадьбу:

Тщательно осмотреть кабинет покойного графа на предмет следов, указывающих, что искали (возможно, ту самую трость).

Расспросить Алексея и экономку, видели ли они трость в последнее время и как выглядел её набалдашник.

Попытаться найти в доме другие предметы с перламутром или магнитными механизмами – они могли быть «ключами» к трости.

Он сел в машину, и перед глазами снова всплыл образ из сна – тень, указывающая тростью на портрет. Теперь это имело новый смысл. Трость была не просто указателем, а инструментом. И, возможно, разгадка всей тайны лежала не в украденном сервизе, а в том, что было спрятано внутри простой, на первый взгляд, палки для опоры.

Глава 5: Ночной гость в особняке

Вторая поездка в «Отрадное» затянулась до вечера. Чайкин с Алексеем провели несколько часов, изучая кабинет покойного графа. Комната, запертая со дня смерти хозяина, была пыльным музеем неоконченных дел. На столе – стопки бумаг по управлению имением (все убыточные), письма от антикваров, черновики статей об истории фарфора. Но ни дневника, ни запечатанных конвертов, ни, что самое важное, трости они не нашли. Зато нашли следы недавнего, аккуратного обыска: папки были слегка смещены, ящики письменного стола приоткрыты не до конца. Кто-то уже побывал здесь до них, искал что-то конкретное и знал, где искать.

Экономка, Мария Семёновна, сухонькая старушка с глазами-бусинками, подтвердила: трость с ястребом была любимой вещью покойного барина. «С ней он никогда не расставался, даже в доме ходил, опираясь. А набалдашник... блестел, как рыба чешуя на солнце, белый-пребелый». Но видела она её в последний раз в день похорон, прислонённой к креслу в кабинете. После – будто сквозь землю провалилась.

К вечеру Чайкин принял решение остаться на ночь. Формально – чтобы «прочувствовать атмосферу дома в разное время суток». На деле – надеясь, что ночная тишина и темнота заставят дом раскрыть иные секреты, а возможно, и приманят того, кто уже обыскивал кабинет. Алексей, нервничая, согласился и ушёл в свои покои, пообещав не выходить.

Комната для гостей, отведённая Виктору, была холодной и неудобной. Он не ложился, устроившись в кресле у окна с видом на парадный подъезд и часть парка. На столе перед ним лежали блокнот и фонарик. Часы пробили полночь, затем час, два... Дом затих, наполнившись лишь скрипами старых балок и завыванием ветра в трубах.

Именно тогда он услышал это.

Тихий, но чёткий звук – не скрип, а мягкий щелчок, будто отщёлкнулась хорошо смазанная защёлка. Он шёл не из коридора, а снизу, из глубины дома. Чайкин замер, вслушиваясь.

Послышались шаги. Осторожные, но уверенные – не крадущиеся, а целенаправленные. Кто-то двигался по первому этажу, явно зная маршрут.

Не зажигая света, Виктор бесшумно вышел в коридор. Лунный свет, пробивавшийся сквозь высокие окна на лестнице, рисовал на паркете призрачные квадраты. Шаги доносились из восточного крыла – там располагалась библиотека и та самая Красная гостиная.

Спускаясь по главной лестнице, держась за перила, Чайкин видел внизу полосу света – узкую, как щель. Она падала из-под двери в библиотеку. Не из гостиной. Значит, цель ночного гостя была иной.

Он подошёл к двери, прислушался. Внутри слышалось шуршание бумаг, мягкие стуки, будто переставляли тяжёлые фолианты. Чайкин взялся за ручку, сделал глубокий вдох и резко распахнул дверь.

В свете настольной лампы с зелёным абажуром, которую включил незванный визитёр, у одного из высоких шкафов замерла фигура. Мужчина в тёмной одежде, в перчатках. Он держал в руках не книгу, а старую, толстую папку с кожаным корешком. Увидев Чайкина, он не вскрикнул, не бросился бежать. Он лишь судорожно прижал папку к груди.

– Поздно для чтения, – произнёс Виктор, блокируя собой выход. – Библиотечный абонемент не предусматривает ночных посещений.

Незнакомец молчал. Его лицо было в тени, но Чайкин разглядел напряжённый овал щёк, знакомый ему силуэт.

– Вы знали, что в доме кто-то есть, – продолжил детектив, делая шаг вперёд. – И всё равно рискнули. Значит, то, что вы ищете, очень важно. Это дневник графа? Или, может, планы усадьбы с потайными ходами?

В ответ мужчина резко швырнул папку прямо в лампу. Стекло звякнуло, свет погас, погрузив комнату в полумрак. В следующее мгновение гость рванулся не к двери, а вглубь библиотеки, к высокому французскому окну, ведущему в парк.

Чайкин бросился за ним, но было поздно. Он услышал звук открывающейся рамы, затем – мягкий стук прыжка на гравийную дорожку. Подбежав к окну, он увидел лишь мелькающую вдали тень, растворяющуюся в тёмной чаше парка.

На полу валялась опрокинутая лампа и брошенная папка. Чайкин поднял её. На кожаном переплёте золотым тиснением значилось: «Каталог коллекции П.Р. Разбойникова. Том II. Фарфор. 1885-1895 гг.».

Он открыл папку. Среди аккуратных списков и гравюр с изображениями ваз и статуэток, на одной из последних страниц, была вклеена фотография. На ней – тот самый чайный сервиз Гарднера, снятый в интерьере, которого Чайкин не видел. А на обороте фотографии, чётким почерком, была сделана пометка: «Сервиз «Гармония». Приобрёл у кн. Волконского 1891. Особый интерес: клеймо на дне не соответствует стандартному. См. приложение «Легенда» и схему в Т.III».

Третий том. Ночной гость искал не просто каталог. Он искал конкретный том с «приложением» и схемой. И он его, судя по всему, унёс с собой.

Чайкин стоял в тёмной библиотеке, держа в руках папку. Ночь принесла не покой, а новую загадку. В доме был свой призрак, живой и очень заинтересованный в тайнах семьи Разбойниковых. И теперь было ясно – они с этим призраком шли по одному следу. Только вот кто из них окажется быстрее?

Глава 6: Закат над озером размышлений

Утро после ночного визита было тревожным. Алексей, узнав о происшествии, метался по библиотеке, то хватаясь за голову, то пытаясь проверить, что ещё пропало. Чайкин же чувствовал себя как шахматист, сделавший неожиданный ход и теперь вынужденный ждать ответа противника. Нужна была пауза. Упорядочить мысли, разложить по полочкам новые факты, которые, как осколки разбитого зеркала, отражали картину, но не складывались в целое.

Он попросил у Алексея схему усадебных земель. На пожелтевшей карте, помимо самого дома, парка и огородов, было обозначено озеро – узкой запятой врезавшееся в лес с южной стороны. «Отрадное», – гласила старая подпись. Виктор решил, что это идеальное место для размышлений.

Дорога к озеру вела через запущенный парк. Столетние липы и дубы сбрасывали последнюю листву, ковром шуршавшую под ногами. Воздух был холодным, прозрачным и пах прелой листвой и сырой землёй. Эта прогулка, вдали от пыльных архивов и тревожных взглядов Алексея, действовала как бальзам.

Озеро оказалось небольшим, тихим, с водой цвета свинца, отражавшей низкое осеннее небо. На берегу стояла полуразрушенная деревянная беседка-ротонда. Чайкин сел на скрипучую скамью, достал блокнот и начал выписывать тезисы, глядя на неподвижную воду.

1. Ночной гость. Не вор-одиночка. Знает дом, знает, что искать (том III каталога). Имеет ключи или отлично владеет взломом. Цель – не сервиз (уже украден), а информация о нём. Значит, сервиз – не конечная цель, а часть чего-то большего.

2. Трость. Исчезла из кабинета. Возможно, содержит ключ от витрины или иной секрет. Ночной гость мог искать её, но не нашёл. Или... нашёл раньше? Может, это он её забрал сразу после смерти графа?

3. «Легенда» и «схема». В каталоге упомянуты. Что скрывает нестандартное клеймо на дне сервиза? Указание на подделку? Или наоборот – на уникальность, тайный знак? Схема может быть планом потайного места в доме или усадьбе.

4. Сон. «Где играл ребёнок. Где замок не железный, а бумажный». Алексей в детстве мог играть у озера? Беседка выглядела старой. «Бумажный замок» – может, конверт, спрятанный в книге? Или детский дневник?

Ветер поднял с воды лёгкую рябь, исказив отражение. И вдруг Чайкину пришла в голову простая, но важная мысль. Он всё время искал сложное – тайники, шифры, механизмы. А что, если разгадка лежала на поверхности? Что, если «легенда» – это не метафора, а реаль-

ная семейная история, передаваемая из уст в уста? И «схема» – не чертёж, а... инструкция? Например, инструкция, как найти что-то, используя сам сервиз?

Он представил себе сцену: граф Пётр Разбойников, эксцентричный коллекционер, прячет не клад, а нечто нематериальное – честь семьи, документ о происхождении, тайное обязательство. И оставляет ключ к разгадке в самом неожиданном месте – в описании своей же коллекции, в каталоге, который стоит на всеобщем обозрении в библиотеке. А физический ключ или карта спрятаны в трости. И теперь кто-то, знающий эту легенду (ночной гость?), пытается собрать пазл: украсть сервиз (возможно, как необходимый предмет для разгадки), найти трость с ключом, отыскать в каталоге схему.

Но зачем тогда воровать сервиз до того, как найдены трость и каталог? Если только... вор не один. Или если сервиз нужен был для чего-то иного – например, для шантажа Алексея, как единственного наследника, знающего легенду?

Солнце, выглянув на мгновение из-за туч, бросило на воду последний луч, окрасив её в медовый цвет. Закат. Время подводить промежуточные итоги.

Чайкин закрыл блокнот. Стало ясно, что нужно действовать в двух направлениях. Во-первых, расспросить Алексея в лоб о семейной легенде, связанной с сервизом, и о его детских играх у озера. Во-вторых, попытаться найти в доме что-то, что могло бы быть «бумажным замком» – старую детскую книжку-раскладушку, игру с секретом, конверт в раме того самого портрета.

Он встал, похолодевший, но с прояснившейся головой. Озеро, как чёрное зеркало, безмолвно отразило его уходящую фигуру. Природа не дала ответов, но помогла задать правильные вопросы. А в детективном деле, как знал Чайкин, правильно заданный вопрос – уже половина решения.

Глава 7: Переговоры с чёрным рынком искусства

Возвращаясь от озера, Чайкин получил от Алексея неожиданное сообщение. На стационарный телефон усадьбы (к удивлению Виктора, он ещё работал) поступил звонок. Голос, представившийся «коллекционером», выразил сожаление о пропаже семейной реликвии и... осторожно намекнул, что, возможно, располагает информацией о её местонахождении. Взамен просил о встрече – нейтральной, приватной, без лишних глаз. Адрес был указан в городе, в районе старых складов у реки.

«Коллекционер». Чайкин мысленно поставил над этим словом кавычки. Слишком уж вовремя, после ночного визита и пропажи тома каталога. Это была либо ловушка, либо попытка выйти на сделку. В любом случае – шанс.

Они с Алексеем разработали простой план. Наследник едет как заинтересованная сторона, но держится в тени, наблюдая. Чайкин же, под видом доверенного лица и эксперта по антиквариату, ведёт переговоры. В кармане у него – диктофон, в голове – список острых вопросов.

Место встречи оказалось полузаброшенной галереей «Арт-ангар». Снаружи – облупившаяся краска и разбитое окно. Внутри – несколько картин в современных рамах, пара скульптур, покрытых брезентом, и тяжёлый запах лака и пыли. За стеклянным столиком в глубине

зала их ждал мужчина. Невысокий, аккуратно одетый в дорогой, но неброский костюм, с внимательными, быстро бегающими глазами. Он представился Аркадием Сергеевичем.

– Алексей Разбойников? – спросил он, пожимая руку Чайкину.

– Его представитель. Эксперт. Можно просто Виктор, – отрезал детектив, опускаясь в кресло. – Вы говорили о сервизе.

– Да, печальная история. Уникальный гарднеровский фарфор... Такие вещи должны быть в музеях или в надёжных руках, а не становиться добычей грабителей, – вздохнул Аркадий Сергеевич, разливая по чашкам крепкий кофе из термоса. Его жесты были плавными, отработанными. – Я слышал, что на определённых... закрытых каналах, появилось предложение. Не сам сервиз, пока. А информация о его возможной продаже. При определённых условиях.

– Каких условиях? – спросил Чайкин, делая вид, что интересуется только возвратом вещи.

– Условия... специфические. Покупатель интересуется не просто предметом. Его интересует полный комплект, – Аркадий Сергеевич сделал многозначительную паузу. – Со всеми сопутствующими... аксессуарами. И документами, подтверждающими провенанс. Особый интерес вызывает нестандартное клеймо.

Чайкин почувствовал, как внутри у него всё натянулось, как струна. «Полный комплект». Трость? Каталог? «Легенда»?

– Какие аксессуары? – спросил он нейтрально.

– О, вы знаете, у таких вещей часто есть история. Иногда – в буквальном смысле, на бумаге. Иногда – в виде ключей от старых шкапулов, – собеседник улыбнулся, но глаза остались холодными. – Мой клиент – педантичный человек. Он хочет всё. И готов хорошо заплатить. Или... обеспечить безопасность нынешним владельцам утраченных предметов. Вы понимаете.

Это был уже не намёк, а прозрачный шантаж. «Безопасность» Алексея в обмен на «полный комплект».

– Ваш клиент, – медленно проговорил Чайкин, – он, случаем, не интересовался тростью с ястребом на набалдашнике? Или третьим томом каталога коллекции Разбойникова?

На лице Аркадия Сергеевича мелькнуло неподдельное удивление, быстро сменившееся расчётливой оценкой.

– Вы... хорошо осведомлены. Это усложняет, но и делает диалог более предметным. Да. Эти предметы также входят в сферу интересов.

– Тогда, возможно, ваш клиент и есть тот, кто организовал кражу и ночной визит? – Чайкин откинулся на спинку кресла, наблюдая за реакцией.

– О, нет! – тот замахал руками с показным ужасом. – Мой клиент – лишь скромный коллекционер. Он выходит на связь, когда предметы... появляются в обороте. Он не вор. Он... финальный получатель. А воры – это низшая каста, непредсказуемая и грубая. К сожалению, иногда они действуют слишком по-своему, опережая события.

Эта фраза была ключевой. Она расколола преступный замысел на два уровня: исполнители (те, кто непосредственно украл сервиз и, возможно, пробрался в дом) и заказчик (этот самый «коллекционер»), который хочет получить всё разом, чисто и безопасно. И теперь, из-за того что Чайкин и Алексей активно ведут расследование, заказчик вынужден выходить из тени, чтобы надавить.

Переговоры закончились ничем. Аркадий Сергеевич дал номер для связи «на случай, если предметы найдутся», и они разошлись. На улице, в машине, Чайкин включил диктофон Алексею.

– Он знал про клеймо, – сказал Виктор, глядя в лобовое стекло. – Значит, у него есть доступ к информации, которой нет у нас. Вероятно, тот самый третий том уже у него или у его клиента. Они собирают пазл. Сервиз, трость, каталог. Им мешаем мы. И ночной гость, который, судя по реакции этого Аркадия, действует самостоятельно и «опережает события». У нас появился конкурент в лице самого вора.

– Что же нам делать? – спросил Алексей, бледный.

– Мы меняем тактику, – ответил Чайкин. – Мы больше не просто ищем украденное. Мы ищем того, кто украл. И того, кто заказал кражу. И для этого нам нужно стать приманкой. Нам нужно дать понять, что у нас есть что-то из этого «комплекта». Например, сделать вид, что мы нашли ту самую трость.

Он улыбнулся беззвучной, холодной улыбкой. Игра только начиналась. И теперь он знал, с кем играет. С коллекционером-пауком, плетущим паутину, и с мухой-одиночкой, запутавшейся в ней. Осталось решить, кого из них поймать первым.

Глава 8: Экскурсия в прошлое

После встречи с посредником с чёрного рынка стало ясно: чтобы опередить и коллекционера, и ночного гостя, нужно понять, что именно они ищут. А для этого требовалось погрузиться в прошлое глубже, чем позволяли каталоги и намёки. Чайкин настоял на том, чтобы Алексей наконец рассказал всё, что знает о сервизе и семейных преданиях, без утайки.

Они устроились в той самой Красной гостиной. Алексей, нервно теребя край свитера, начал свой рассказ, глядя на пустую витрину, будто пытаясь вызвать из неё призраков.

– Всё началось с моего прапрадеда, Петра Разбойникова, – заговорил он. – Он был не просто коллекционером. Он был... одержим идеей совершенства. Искал его в искусстве, в науке, в устройстве дома. Легенда гласит, что в 1891 году он приобрёл этот сервиз у разорившегося князя Волконского не просто как красивую вещь. Князь, отдавая сервиз, шепнул ему на ухо: «Он хранит большую тайну, чем красота. И ключ к ней – в его же узоре».

– Узор? – переспросил Чайкин, вспоминая фотографию из каталога. На ней были видны лишь стандартные для гарднеровского фарфора гирлянды и цветы.

– Да. Но не тот, что на виду. Легенда, которую мне рассказывал отец, когда я был ребёнком, – Алексей замолчал, подбирая слова. – Он говорил, что на дне каждой чашки, под глазурью, нанесено невидимое при обычном свете клеймо – не фабричное, а личный знак Петра. И что если осветить эти клейма особым образом... они складываются в карту.

– Карту? – Чайкин приподнял бровь. Это звучало как дешёвый роман, но слишком хорошо стыковалось с упоминанием «схемы» в каталоге.

– Карту или схему. Отец никогда не уточнял. Он говорил, что это знание передавалось только старшему сыну в поколении, и то – на смертном одре предыдущего хранителя. Но... – голос Алексея дрогнул. – Отец умер внезапно. От сердечного приступа. У него не было времени мне всё рассказать. Он только успел сказать: «Ищи в детстве. В игре. Замок откроется сам».

«В игре. Замок откроется сам». Слова из сна звучали теперь как эхо реальности.

– А что насчёт трости? – спросил Виктор.

– Трость... Отец говорил, что это «ключ в прямом смысле». Но не от витрины. А от... понимания. Что в её набалдашнике что-то спрятано. Возможно, линза или призма для того самого «особого освещения». Он шутил, что прапрадед обожал такие головоломки.

Чайкин мысленно вернулся к словам мастера Льва Матвеича: «Перламутр... Идеален для скрытия стыков... или магнитный механизм». Линза, спрятанная в перламутровом набалдашнике... Это имело смысл.

– И легенда о тайне? О чём она? О спрятанных сокровищах? – настаивал детектив.

Алексей пожал плечами.

– Отец был туманен. Говорил, что Пётр Разбойников спрятал не золото, а нечто, что могло «спасти честь семьи или погубить её». Документ? Доказательство какого-то старого договора? Не знаю. Он боялся этого. Говорил, что, если тайна всплывёт не в те руки, наш род окончательно падёт.

Теперь картина приобретала зловещие очертания. Пётр Разбойников, эксцентричный параноик, прячет компрометирующий документ, оставляя ключ к его поиску в виде головоломки: сервиз с невидимыми метками, трость-линза и каталог со схемой-расшифровкой. И теперь, спустя столетие, эту головоломку пытаются собрать три стороны: заказчик-коллекционер (возможно, знающий часть легенды), исполнитель-вор (ночной гость, действующий грубо и на опережение) и они с Алексеем, которые отстают, но владеют ключевым знанием – семейной легендой.

– Алексей, – серьёзно сказал Чайкин. – Эта «игра в детстве». Где вы играли, когда приезжали сюда ребёнком? Где мог быть тот самый «бумажный замок»?

Наследник задумался, а потом его глаза расширились.

– В библиотеке... был старый глобус на подставке. Огромный. Я любил его крутить. А внутри подставки, помнится, была потайная полость. Отец однажды показал мне, как её открыть, и положил туда... конверт. Сказал: «Это твой замок. Откроешь, когда вырастешь». Я потом забыл. После его смерти я не вспоминал...

Они переглянулись. «Бумажный замок». Конверт в потайной полости глобуса. Это было слишком точным совпадением, чтобы быть случайностью.

– Покажи, – коротко сказал Чайкин, уже вставая.

Экскурсия в прошлое только что дала им конкретное направление. Теперь им нужно было опередить всех и открыть этот замок первыми.

Глава 9: Дедуктивная теория происхождения преступления

Библиотека, освещённая теперь ярким дневным светом, казалась менее зловещей, но не менее таинственной. Глобус, о котором говорил Алексей, стоял в углу – массивный, на дубовой треноге, с пожелтевшими от времени картами полушарий. Чайкин внимательно осмотрел его. Подставка была украшена резьбой в виде морских волн. В одном из завитков, почти незаметно, он нащупал крошечную, подвижную пластинку.

– Здесь, – сказал он Алексею.

Лёгкий нажим – и часть резной панели с тихим щелчком отъехала в сторону, открыв узкую, глубокую полость. Внутри лежал пожелтевший конверт из плотной бумаги, запечатанный сургучной печатью с фамильным гербом Разбойниковых – тем же ястребом, что и на трости.

Алексей с благоговейным трепетом взял конверт. Его пальцы дрожали, когда он аккуратно сломал печать. Внутри оказался не документ, а лист бумаги, исписанный тем же чётким почерком, что и пометки в каталоге. Это был текст, но не связный рассказ. Скорее, набор загадочных фраз, расположенных в столбик:

«Где тень ястреба падает на полдень.
Где чаша Востока встречает чашу Запада.
Где число лепестков равно числу поколений.
Там ищи начало.
Ключ – в глазе хищника.
Свет – в сердце льда.»

– Это... что это? – растерянно прошептал Алексей. – Стихи?

– Инструкция, – отрезал Чайкин, быстро фотографируя лист на телефон. – Зашифрованная. Это не ответ, а следующий уровень головоломки. Твой отец не просто спрятал разгадку – он оставил тебе квест.

Они вернулись в Красную гостиную, разложив перед собой фотографию текста, план усадьбы и фотографию сервиза. Теперь, имея на руках конкретный шифр и зная семейную легенду, Чайкин мог выстроить дедуктивную цепочку, объясняющую не только кражу, но и её истинные мотивы.

– Давай рассуждать логически, – начал он, указывая на первую строку. – «Где тень ястреба падает на полдень». Ястреб – фамильный герб. Его тень. Где в доме есть изображение ястреба, отбрасывающее тень ровно в полдень? Это должно быть витраж, барельеф или тот самый портрет, освещаемый солнцем в определённое время.

– В Красной гостиной! – воскликнул Алексей. – Над камином! Солнце из южного окна падает прямо на портрет прапрадеда около полудня!

– Вероятно. «Где чаша Востока встречает чашу Запада». Чаша... Чайный сервиз. «Восток и Запад» – возможно, две конкретные чашки в нём, которые нужно совместить или поставить особым образом. Или... это указание на место в комнате.

– В витрине сервиз стоял в определённом порядке! – вспомнил Алексей. – Чашки с восточным узором слева, с западным – справа. Отец всегда следил за этим.

– «Где число лепестков равно числу поколений». Поколений от Петра до тебя? Пять. Ищем в усадьбе что-то с пятью лепестками. Роза в гербе? Резной цветок на мебели? «Там ищи начало» – значит, это отправная точка для физических действий.

Чайкин откинулся на спинку стула, собирая мысли воедино.

– Теперь о преступлении. Коллекционер (наш «Аркадий Сергеевич») знает легенду, но не знает всех деталей. Он знает про сервиз, про трость, про каталог. Он нанял воров, чтобы добыть эти предметы. Но его воры – профессионалы узкого профиля. Они украли сервиз, потому что это самый очевидный, материальный объект. Но они не знали про конверт в глобусе и, возможно, не нашли трость. Они действовали по наводке.

– А ночной гость? – спросил Алексей.

– Ночной гость – это, возможно, кто-то другой. Не наёмник коллекционера. Кто-то, кто тоже знает легенду, но действует в одиночку и более грубо. Он искал каталог, чтобы получить схему. Он, вероятно, и есть тот, кто сначала украл трость из кабинета сразу после смерти твоего отца, а теперь пытается собрать остальные части. Он опережает коллекционера, потому что действует на свой страх и риск.

Виктор провёл рукой по лицу.

– Связь между кражей и прошлыми секретами теперь очевидна. Преступление произошло не из-за денежной стоимости сервиза. Оно произошло потому, что кто-то поверил в старую семейную легенду и решил, что награда стоит риска. Они ищут то, что спрятал Пётр Разбойников: документ, который может «спасти или погубить» род. И они готовы уничтожить всё на своём пути, включая тебя, как последнего хранителя тайны.

Он посмотрел на Алексея.

– Наша задача теперь – не просто вернуть сервиз. Наша задача – разгадать эту головоломку первыми. Найти то, что спрятано, и обезвредить это. Или использовать как приманку, чтобы выманить и коллекционера, и ночного гостя на свет. Для этого нам нужно стать умнее прапрадеда. Нам нужно понять, где «сердце льда» и что такое «ключ в глазе хищника».

Он взглянул на портрет над камином. Суровый Пётр Разбойников смотрел на них с высоты, держа в руке фарфоровую чашку. Казалось, в его глазах мелькала тень иронии. Игра, затеянная более века назад, входила в решающую фазу. И теперь в ней участвовали не только тени прошлого, но и очень живые, очень опасные игроки настоящего.

Глава 10: Первый поцелуй и расследование

Разгадка шифра требовала не только логики, но и доступа к местам, которые днём были на виду, а ночью – под замком. Чайкин решил, что им нужно остаться в усадьбе ещё на одну ночь, чтобы в полдень следующего дня проверить гипотезу о тени ястреба. Алексей, уже измотанный нервным напряжением, согласился, но его тревога была ощутима.

Вечером, чтобы немного отвлечь наследника и заодно обсудить детали, Чайкин предложил спуститься на кухню – единственное место в доме, где ещё теплилась жизнь благодаря Марии Семёновне. Она, ворча, накормила их простым, но сытным ужином: картофельным супом и пирогами с капустой. После ужина Алексей, ссылаясь на усталость, удалился в свои покои.

Виктор остался один в полумраке кухни, допивая крепкий чай, который заварила экономка. Его мысли кружились вокруг строк шифра, портрета, перламутровой чешуйки... Он так углубился в размышления, что не сразу услышал лёгкие шаги на каменном полу.

В дверном проёме появилась она. Молодая женщина, которую он мельком видел днём в саду, срезающую последние хризантемы. Тогда он принял её за садовника или родственницу прислуги. Сейчас, при мягком свете керосиновой лампы, он разглядел её лучше. Лет двадцати пяти, тёмные волосы, собранные в небрежный узел, умные, внимательные глаза, в которых читалась усталость и какая-то внутренняя тревога. Она была одета в простую, но чистую одежду, а в руках держала поднос с пустыми чашками.

– Мария Семёновна просила убрать, – тихо сказала она, её голос был низким и мелодичным.

– Прошу, – кивнул Чайкин, отодвигая свою чашку.

Она молча принялась собирать посуду. Её движения были точными, экономичными. Виктор наблюдал за ней, и его детективный ум, уже настроенный на поиск несоответствий, отметил несколько моментов. Руки – ухоженные, но не изнеженные, с лёгкими шрамами, как от работы с растениями или инструментами. Взгляд, скользнувший по его блокноту, лежавшему на столе, был не праздным, а быстрым, аналитическим.

– Вы давно работаете в усадьбе? – спросил он, чтобы разрядить тишину.

– Несколько месяцев. Помогаю Марии Семёновне и с садом, – ответила она, не глядя на него. – Вы... детектив. Расследуете пропажу.

– Всё верно. А вы... не замечали в последнее время ничего странного? Не только с сервизом. Может, посторонние у дома, или кто-то интересовался усадьбой?

Она на мгновение замерла, потом медленно поставила поднос.

– Странного... – она произнесла это слово так, будто пробуя его на вкус. – Здесь всё странное, мистер Чайкин. Этот дом живёт прошлым. И прошлое иногда просыпается. – Она посмотрела на него прямо. – Я видела, как кто-то ходил по парку ночью. Не в ту ночь, когда вы были здесь. Ранее. За неделю до кражи.

Это было ново. Чайкин насторожился.

– Можете описать?

– Только силуэт. Высокий. Двигался быстро, знал дорогу. Шёл от озера к заднему флигелю. Тому, что заброшен.

Задний флигель. Его они ещё не осматривали. Возможно, там могла быть спрятана трость или даже сам сервиз на время.

– Почему не сказали Алексею?

– Я... не была уверена. Не хотела сеять панику. Да и Алексей Ильич... он не очень-то доверяет новым людям, – в её голосе прозвучала горечь.

Она взяла поднос и направилась к двери. Проходя мимо, она задела краем подноса его блокнот. Листок с фотографией шифра выскользнул и упал на пол. Она быстро наклонилась, чтобы поднять его, и их руки случайно соприкоснулись.

– Простите, – пробормотала она, протягивая листок. Их взгляды встретились. В её глазах он увидел не просто смущение. Он увидел интерес. И страх. И что-то ещё, глубоко спрятанное.

– Вы умеете хранить секреты? – неожиданно для себя спросил Чайкин, не отпуская листок.

– Это единственное, что я умею делать хорошо, – ответила она так же тихо.

И тогда это произошло. Не по плану, не по расчёту. От напряжения последних дней, от азарта охоты, от этой внезапной, хрупкой близости в полутьме старой кухни. Он наклонился, и она не отстранилась. Их губы встретились в лёгком, мимолётном, но невероятно ясном поцелуе. Он длился всего мгновение, но в нём было столько невысказанного – понимание, союз против общей опасности, вспышка чего-то нового и запретного.

Она первая отпрянула, глаза её были широко раскрыты.

– Мне... мне нужно идти, – прошептала она и почти выбежала из кухни.

Чайкин остался один, прикосновение к губам всё ещё жгло. Рациональная часть его мозга кричала о глупости, о риске, о том, что он ничего не знает об этой женщине. Но другая часть, та самая, что верила в интуицию и «работу мозга» во сне, подсказывала: это не случайность. Она что-то знает. И она на его стороне. Или, по крайней мере, не на стороне тех, кто против них.

Он поднял блокнот. Расследование только что обрело новое, личное измерение. Охота стала не только за предметами и тайнами, но и за доверием этой загадочной женщины. А любовь, как и лучшая улика, всегда появляется неожиданно и меняет все правила игры.

Глава 11: Секрет замка из детства

Поцелуй в кухне повис между ними невысказанным вопросом, но утро принесло практические задачи. Чайкин решил временно отложить личные переживания и сосредоточиться на шифре. Строка «Где тень ястреба падает на полдень» требовала проверки. Ровно в двенадцать они с Алексеем стояли в Красной гостиной, наблюдая, как луч солнца, пробившийся сквозь высокое южное окно, медленно ползёт по стене.

Он коснулся рамы портрета Петра Разбойникова, осветил его лицо и, наконец, упал на пол чуть ниже. Тень от массивной рамы с резным гербом (тем самым ястребом) легла на дубовую плашку паркета, образуя чёткую, удлинённую тень. Но ровно в полдень кончик тени клюва указывал не просто на пол, а на стык между двумя конкретными досками.

– Здесь, – указал Чайкин. – «Начало» здесь.

Они присели, осматривая указанное место. Доски были плотно подогнаны, без видимых зазоров. Но когда Виктор надавил на стык ладонью, одна из досок слегка прогнулась, издав едва слышный щелчок. Небольшой прямоугольный фрагмент паркета, размером с книжную закладку, приподнялся, открыв мелкое углубление. В нём лежал не ключ и не карта, а малень-

кий, потускневший от времени металлический жетон. На нём был выгравирован всё тот же ястреб и римская цифра: V.

– Пять, – прошептал Алексей. – Поколений. «Где число лепестков равно числу поколений»... Это не лепестки цветка. Это номер. Пятый жетон?

– Значит, где-то должны быть ещё четыре, – заключил Чайкин. – И каждый, вероятно, активирует или указывает на следующую подсказку. Твой прапрадед обожал квесты.

Они поднялись. Алексей, держа в руках жетон, казался одновременно взволнованным и подавленным.

– Я ничего этого не помню... Отец никогда не показывал мне таких вещей.

– Может, и не показывал сознательно. Но ты же говорил, что играл здесь ребёнком. Вспомни. Во что? Где? Может, были какие-то «секретные места», «тайные ходы», которые казались тебе просто игрой?

Алексей зажмурился, пытаясь прорваться сквозь завесу лет.

– Мы... мы с отцом иногда играли в «охоту на сокровища». Он прятал конфеты или старые монеты, а я искал по запискам. Однажды... однажды он спрятал «клад» не в комнате, а «между мирами». Так он сказал. Я долго искал и нашёл... в библиотеке. За ложным корешком книги. Но это была не книга, а... – он открыл глаза, в которых вспыхнуло понимание. – А альбом с гравюрами! Толстый, в кожаном переплёте! Он стоял в нижнем ряду, и его корешок был нарисованным!

Они почти бегом бросились в библиотеку. Алексей опустился на колени перед нижними полками, проводя пальцами по корешкам. Большинство были настоящими, из кожи или пергамента. Но в самом углу, за тяжёлым фолиантом по геральдике, он нащупал то, что искал. Книга, чей «кожаный» корешок оказался на удивление гладким и негибким – это была умелая рисованная имитация на картоне.

Он вытащил тяжёлый том. Это действительно был альбом с гравюрами усадеб и парков Европы. Но когда Алексей открыл его, стало ясно, что это муляж. Внутри, в вырезанной полости, лежали не гравюры, а четыре других, точно таких же жетона, с цифрами от I до IV, и листок бумаги. На нём детским, но старательным почерком (почерком самого Алексея-ребёнка?) была нарисована схема. Схема усадьбы «Отрадное», где пятью кружками с римскими цифрами были отмечены точки: Красная гостиная (V), библиотека (IV), зимний сад (III), бальный зал (II) и... задний флигель (I).

– «Между мирами», – прошептал Чайкин, глядя на схему. – Задний флигель, заброшенный, стоит на границе усадьбы и леса. Между миром людей и миром природы. Или между прошлым и настоящим. Твой отец учил тебя головоломке с самого детства, даже если ты этого не осознавал. Он готовил тебя быть хранителем.

Алексей смотрел на схему, и по его лицу было видно, как воспоминания нахлынули на него. Игра, которая казалась простой забавой, оказалась тренировкой, шифром, заложенным в подсознание.

– Жетоны... Их нужно куда-то вставить? – спросил он.

– Скорее всего. В определённом порядке, в определённых местах, отмеченных на схеме. И последний, пятый, у нас уже есть. Это и есть «замок из детства». Не бумажный, а металлический. И он отпирает что-то в том самом заднем флигеле.

Чайкин собрал жетоны. Теперь у них был план, выросший из детских игр. Но он также понимал, что если они с Алексеем смогли дойти до этого, то и другие – ночной гость, коллекционер – могли быть недалеко. Особенно с учётом того, что женщина из кухни видела кого-то у заднего флигеля.

Секрет был раскрыт. Детская игра превратилась в карту настоящей охоты. И следующей точкой на этой карте было самое тёмное и заброшенное место усадьбы – место, где, возможно, скрывалась не только очередная подсказка, но и сама опасность.

Глава 12: Возвращение в город

Жетоны и схема из детства были прорывом, но для следующего шага – исследования заднего флигеля – требовалась подготовка. Место было заброшенным, потенциально опасным, и Чайкин не хотел лезть туда вслепую, особенно после рассказа женщины о ночном визитёре. Нужны были инструменты, информация и... дистанция, чтобы свежим взглядом оценить собранные данные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.